

Отношение к иммигрантам как к угрозе: сравнительный анализ России и Германии

О.А. Якимова

Описание проблемы. Актуальность

На протяжении последних десятилетий отечественные центры исследования общественного мнения информируют о высоком уровне ксенофобии среди населения России. Эксперты единодушно отмечают присутствие в общественном сознании россиян трех устойчивых паттернов: 1) негативные стереотипы в отношении иммигрантов; 2) уверенность скорее в отрицательных, чем положительных последствиях иммиграции для общества; и 3) нежелание видеть иммигрантов в большинстве секторов занятости (Левада-центр, 2014; Пипия, 2016; Пипия, 2017; Мухаметшина, 2018; ВЦИОМ, 2018).

Россия начала принимать иностранных мигрантов лишь в конце XX века. В силу исторических связей, наша страна стала так называемым "миграционным магнитом" для граждан бывших советских республик: Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана. «Новые» мигранты из Центральной Азии отличаются от подавляющего большинства россиян в этническом и языковом плане, что неизбежно ведет к росту культурного и религиозного многообразия в стране. Большинство социальных ученых разделяет мнение, что возрастающая комплексность и многообразие общества всегда несут с собой новые социальные вызовы и часто сопровождаются ростом групповой тревожности и межгрупповой напряженностью. В этом контексте, быть может высокий уровень ксенофобских настроений в России закономерен? Может быть, в этом мы просто следуем европейской тенденции роста популярности праворадикальных настроений, сопровождающихся ксенофобией?

Для оценки показателей негативного отношения россиян к иммигрантам и для понимания того, действительно ли они высоки, в своем исследовании я сравниваю Россию с Германией, страной, которая с середины XX века является местом притяжения для иммигрантов из мусульманских стран и которая пережила внезапный приток около миллиона беженцев из Сирии, Ирака и Афганистана в 2015-16 годах (Knight, 2019).

На основании законов о гражданстве и миграции, существующих в современных Германии и России, наши страны можно рассматривать как яркие примеры национальных государств. В обеих странах существуют государственные программы возвращения соотечественников, проживающих за рубежом, основанные на так называемом «праве крови» и принципе этнической принадлежности. Между тем, Германия является частью глобального процесса миграций на протяжении уже довольно длительного периода времени (по крайней мере, с середины XX века), тогда как Россия интегрировалась в этот процесс совсем недавно. Тем не менее, в обеих странах иммиграция обусловлена необходимостью постоянного и массового притока трудовых мигрантов, вызванной, с одной стороны, снижением рождаемости, а с другой – ростом спроса на рабочую силу на рынке труда. Это помещает Германию и Россию в группу стран – лидеров по числу принимаемых мигрантов, а значит тех стран, которые в настоящее время переживают значительные изменения этнического и религиозного состава своего населения, поскольку в общем миграционном потоке преобладают именно транснациональные (этнически и культурно отличные) иммигранты (Розанова, 2016).

Учитывая особенности (различие в культурных ценностях, уровне субъективного благополучия и т. п.) и сходства (необходимость регулирования транснациональных миграционных потоков) между

двумя странами, в своем исследовании я ставлю цель сравнить отношение к иммигрантам в России и Германии и проанализировать факторы, определяющие различия в этом аспекте между ними.

Теоретико-методологические основания. Гипотезы. Данные

Теоретико-методологической основой моего исследования является концепция межгрупповой угрозы, разработанная Стефаном, Убаррой, Мартинесом, Шварцвальдом и Тур-Каспой (Stephan, Ybarra, Martinez, Schwarzwald & Tur-Kaspa, 1998), которая утверждает, что реальные или мнимые межгрупповые угрозы неизбежно вызывают негативные эмоции и когнитивные установки, которые, в свою очередь, могут реализоваться в соответствующем поведении. Стефан, Убарра и Риос (Stephan, Ybarra & Rios, 2016, с. 258) операционализируют межгрупповые угрозы через выделение их конкретных видов: 1) реалистичные или 2) символические угрозы (в зависимости от характера угроз) и 3) групповые или 4) индивидуальные угрозы (в зависимости от их уровня).

В настоящее время существует большое количество исследований, подтверждающих основные идеи теории межгрупповых угроз. Однако сохраняются вопросы, требующие прояснения: Есть ли разница в восприятии межгрупповых угроз у людей, относящихся к разным типам национальной идентичности? Как воспринимаются реальные и символические угрозы в различных национальных и культурных контекстах? Есть ли различия в восприятии межгрупповых угроз у носителей разных культур? Существуют ли различия между людьми, имеющими одинаковое когнитивное отношение к иммигрантам (толерантное или интолерантное) в разных странах/культурах в их восприятии исходящих от иммигрантов угроз?

В своем исследовании я выдвигаю следующие гипотезы: 1) тип национальной идентичности влияет на восприятие межгрупповых угроз, исходящих от иммигрантов и, следовательно, на распространенность ксенофобии в обществе; и 2) различия в восприятии иммигрантов как межгрупповой угрозы существуют не только между толерантными и интолерантными респондентами, но и внутри групп толерантных или интолерантных респондентов, если эти группы состоят из людей, принадлежащих к разным культурам (имеют разные базовые ценности).

Для проверки этих гипотез я использую данные последней, 7-й волны проекта Европейского исследования ценностей (EVS), собранные в 2017 году в Германии и России.

Методы анализа. Выводы.

Результат анализа описательных статистик показал, что респонденты, квалифицируемые мною как "толерантные" или "интолерантные" в зависимости от их ответа на вопрос об отношении к иммигрантам на рынке труда, значительно отличаются в своем восприятии межгрупповых угроз в Германии и России. При этом те, кто квалифицируется как «толерантные» в России, ближе по показателю восприятия иммигрантов как угрозы того или иного вида к тем, кто квалифицируется как «интолерантные» в отношении к иммигрантам в Германии. Чтобы выяснить факторы, обуславливающие зафиксированные различия, был осуществлен факторный анализ переменных, измеряющих восприятие иммигрантов как угрозы того или иного вида, а также оснований национальной и европейской идентификации, заявляемых респондентами. Результаты факторного анализа позволили зафиксировать значительные различия между Россией и Германией. На основе полученных результатов я делаю вывод, что низкий уровень ксенофобии по отношению к иммигрантам в Германии по сравнению с Россией определяется следующими факторами: 1) четкое

разделение на уровне сознания между этнической и гражданской национальной идентичностью; 2) преобладание респондентов, строящих свою национальную идентичность в рамках модели, отличной от модели «этнической» идентичности; 3) уравнивание фактора "восприятия иммигрантов как угрозы" универсальными западноевропейскими ценностями, такими как права человека и открытость. В России преобладание, напротив, интолерантного отношения к иностранным мигрантам обусловлено 1) отсутствием когнитивной модели «гражданской идентичности» как отдельного когнитивного паттерна, 2) распространенностью паттернов, коррелирующих с ксенофобским отношением к иммигрантам, таких как «этническая национальная идентичность», «множественная национальная идентичность» и восприятия иммигрантов как культурной и экономической угрозы, а также угрозы безопасности.

Список литературы

ВЦИОМ. (2018). Иммиграция в Россию: благо или вред? [Сообщение для печати]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487>

Левада-Центр. (2014). Национализм, ксенофобия и миграция [Пресс-релиз]. URL: <https://www.levada.ru/2014/08/26/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya/>

Мухаметшина Е. В. (2018, 26 августа). В России резко выросли ксенофобские настроения. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/26/779030-v-rossiiksenofobnie-nastroeniya>

Пипия, К. (2016). Интолерантность и ксенофобия: пресс-выпуск. Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/#_edn1

Пипия, К. (2017). Ксенофобия в 2017 году: пресс-выпуск Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/23/16486/>

Розанова, М. С. (2016). Введение: миграционная политика в России и Германии: вызовы и перспективы (обзор конференции). В М. С. Розановой (Изд.), Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России (стр. 1-10). Санкт-Петербургский Государственный Университет.

Knight, B. (2019, May 08). Germany passes refugee migration 'stress test': expert report. Deutsche Welle. Retrived from <https://www.dw.com/en/germany-passes-refugee-migration-stress-test-expert-report/a-48639433>

Stephan, W.G., Ybarra, O., Martinez, C.M., Schwarzwald, J. & Tur-Kaspa, M. (1998). Prejudice Toward Immigrants to Spain and Israel. An Integrated Threat Theory Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29 (4), 559-576. DOI: 10.1177/0022022198294004

Stephan, W.G., Ybarra, O. & Rios, K. (2016). Intergroup Threat Theory. In Todd D. Nelson (Ed.) *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination* (2nd ed.) (Chapter 10, pp. 255-278). Psychology Press (New York and London).